

УДК 821.112.2.01
ББК 83.3 (4)

С. Ю. Новикова

**К ПРОБЛЕМЕ
ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО
ЕДИНСТВА
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ
ПЕНТАЛОГИИ ТОМАСА БЕРН-
ХАРДА
(1975 – 1982)**

Исследуется вопрос о повествовательном единстве пяти повестей, составляющих «каноническую» автобиографию классика австрийской литературы 20 в. Т. Бернхарда. Первые четыре повести объединяют размышления относительно правды и лжи в автобиографическом повествовании, представленные в авторских метакомментариях. Пятая повесть оказывается лишена метаповествовательного уровня, рефлексия автора над автобиографическим повествованием перемещается на уровень сюжета, изменяется стиль повествования.

Ключевые слова: автобиография, австрийская литература, Т. Бернхард, автофикциональное повествование, саморефлексия в автобиографии.

DOI 10.18522/1995-0640-2016-1-28-36

Новикова Светлана Юрьевна – преподаватель немецкого языка кафедры немецкого языка Санкт-Петербургского государственного университета
Тел.: +7911-722-95-45
E-mail: fotinya@gmail.com

© Новикова С.Ю., 2016.

В 1986 г. в письме к своему немецкому издателю Томас Бернхард, один из наиболее значительных австрийских авторов второй половины XX в., характеризовал свою литературную деятельность последних лет так: «После десятка лет занятий вымыслом я уже довольно давно нахожусь в фазе, связанной с воспоминаниями» [Bernhard, S. 524]. Речь шла о пяти повестях, основанных на событиях жизни писателя: «Причина: прикосновение» (Die Ursache: Eine Andeutung, 1975), «Подвал: ускользание» (Der Keller: Eine Entziehung, 1976), «Дыхание: выбор» (Der Atem: Eine Entscheidung 1978), «Холод: изоляция» (Die Kälte: Eine Isolation, 1981) и «Ребенок как ребенок» (Ein Kind, 1982). Первые четыре рассказывают о жизни подростка и юноши, последняя посвящена раннему детству писателя. Вопреки противопоставлению, заявленному в письме, воспоминание в них оказывается неразрывно связано с вымыслом: повествование насыщается вымышленными или явно стилизованными эпизодами. Принадлежащее Э. Марквард утверждение о том, что в автобиографии Бернхарда столько же фикционального, сколько в его фикциональных произведениях автобиографического, уже давно превратилось в неоспоримую максиму «бернхардовского» литературоведения [Marquardt, S. 176]. В связи с этим имеет смысл говорить скорее не об автобиографическом, а об автофикциональном повествовании.

Авторы издательского комментария к десятому тому собрания сочинений Бернхарда, в кото-

ром повести были опубликованы под общим названием «Автобиография» (название, от которого сам писатель неоднократно открещивался в своих интервью), указывают на то, что финальное предложение повести «Ребенок как ребенок», где сообщается о решении деда отправить внука в Зальцбург, как свидетельствуют черновики, было написано еще во время работы над первой повестью. Впоследствии Т. Бернхард поместил это предложение в конец пятой, «закольцевав» таким образом повествование. Оно прямо отсылает читателя к началу повести «Причина», где сообщается о том, что все население города Зальцбурга делилось на дельцов и их жертв [Bernhard, S. 539]. Автор очевидным образом хотел, чтобы читатели восприняли повесть «Ребенок», события которой предшествуют по времени событиям первых четырех повестей, не как отдельное произведение, а как часть единого проекта, связанного с «воспоминанием». Однако насколько единым в повествовательном отношении является этот проект в целом? В. Шмидт-Денглер указывал на то, что вопрос о художественной целостности серии повестей Бернхарда заслуживает того, чтобы стать предметом отдельного исследования [Schmidt-Dengler, 1998, S. 223]. Рассмотрению этого вопроса и посвящена настоящая статья.

Пятая повесть явно стоит особняком относительно первых четырех. Обращает на себя внимание отличие в названии, содержании, стиле письма. Г. фон Хофе отмечал, что строгие параллели – наличие в каждой повести подзаголовок и эпиграфа – выдают корреспондирующее содержание: заглавие, более похожее на шифр, обозначает жизненные обстоятельства, экзистенциальную стадию, в которой пребывает повествующее «Я», подзаголовок же сообщает о реакции «Я» на эти обстоятельства, о решениях, определяющих путь протагониста. Название последней повести выбивается из общего ряда. Определенный артикль сменяется неопределенным: некий ребенок, просто ребенок. Первые четыре повести подчинены, по мнению исследователя, определенной телеологической схеме: в них описывается ряд «поворотов» на пути к экзистенциальному выбору, решению «дышать» (жить), последняя же определяется другой логикой, выбиваясь из этой схемы [vom Hofe, S. 26]. П. Лэммле указывал в этой связи на отрыв от проблематики биографии писателя: «Ребенок» хотя и говорит о собственном детстве, однако одновременно подразумевает и некий отрезок детства вообще, детства как состояния тотальной незащищенности человека [Laemmler, S. 3]. М. Митермайер отмечал, что повествование в первых четырех повестях пенталогии намеренно и последовательно выстраивается по одному сценарию: «Я» утверждает себя в борьбе против враждебного мира, который олицетворяют различные институты (город Зальцбург, семья, национал-социалистское, а затем католическое учебное заведение). При этом автор демонстрирует различные стратегии борьбы, которые использует «Я». «Ребенок» же не подчиняется этому сценарию [Mittermayer, S. 84]. Б. Зорг указывает на то, что повествование о раннем детстве писателя в «Ребенке» ведется в

более свободном стиле, чем в предшествующих четырех повестях, порой напоминая безыскусность разговорной речи [Sorg, S. 140].

Вопрос о повествовательном единстве, на наш взгляд, в данном случае необходимо рассмотреть в связи с проблемой автобиографической правды, которая затрагивается в повестях, и тем своеобразным «решением», которое эта проблема получает в последней повести.

В первых четырех текстах обнаруживается метаповествование, выстроенное вокруг размышлений об особенностях автобиографической памяти: неистинности и принципиальной фрагментарности всякого воспоминания. В «Причине» это многочисленные комментарии, варьирующие подзаголовок «Прикосновение» (Andeutung). Нельзя описать жизнь такой, какой она была, можно лишь прикоснуться к ней: «Тут мне придется еще раз сказать, что я только записываю, только набрасываю, только вспоминаю (andeute) то, что я тогда *чувствовал*, а вовсе не то, что я сейчас *думаю*, потому что тогдашнее восприятие было совсем другим, чем теперешнее мое мышление, и трудность для меня сейчас в том, чтобы как-то восстановить тогдашние ощущения в теперешних записях (in diesen Notizen und Andeutungen), чтобы они соответствовали тем прошлым переживаниям, хотя, по всей вероятности, восстановить это прошлое, не исказив ничего, не так легко, и однако я попытаюсь это сделать» [Бернхард, с. 74 – 75].

В повести «Подвал» мысль о неистинности всякого воспоминания получает развитие в пассаже, протянувшимся на несколько страниц. Она многократно проговаривается, «пропеваётся» в той риторической манере, которая характерна для фикциональной прозы Бернхарда: «То, что я здесь описываю, - правда, и все-таки это не настоящая правда, потому что не может быть правдой. Всю нашу жизнь мы читали, но никогда не прочли правды, хотя всегда читали про факты. Но везде ложь выдавалась за правду, правда за ложь, и так далее. Важно одно: *хотим ли мы лгать или хотим говорить и писать правду*, хотя по-настоящему никакой правды нет и быть не может. Всю жизнь я хотел говорить правду, хотя теперь знаю, что все было ложью. В конце концов важно одно – сколько правды содержится в этой лжи...» [Бернхард, с. 142].

В повести «Дыхание» снова говорится о том, что «всякое умозаключение может означать лишь приближение и попытку» [Бернхард, с. 275]. Получает продолжение тема отрывочности воспоминаний: применительно к описываемым событиям неоднократно встречается словосочетание «события и происшествия» (Erreignisse und Geschehnisse). Оппозиция «правда – ложь» включается в текст повестей и на словесном уровне, постоянно возникая в виде лейтмотива. В повести «Холод» комментарии развивают тему «приближений»: «Язык бесполезен, когда нужно сказать правду, сделать какое-то сообщение: он позволяет пишущему только приближение (Annäherung), всегда – только проникнутое отчаянием и потому двусмысленное приближение к предмету разговора; <...> как бы пишущий ни старался, слова все заземляют, и все пере-

дергивают, и превращают – на бумаге – чистую правду в ложь» [Бернхард, с. 338 – 389].

В повестях можно также обнаружить «метаконструкции», намекающие на искусственный характер автобиографического повествования. Исследователи уже отмечали наличие подобных конструкций как характерную черту поэтики Бернхарда. Так, В. Хунтемен говорит о том, что у Бернхарда, в отличие, например, от А. Жида или Т. Манна, вместо пояснения к произведениям наличествует фикциональная саморефлексия. Она закладывается в основу большинства его прозаических произведений, где «я-рассказчик» повествует о поражении художника или ученого, которые направляют всю свою энергию на совершенствование в каком-либо искусстве или на написание некоего труда, однако эти занятия заканчиваются сумасшествием или смертью персонажа [Huntemann, S. 45].

Подобные саморефлексивные моменты в повестях связаны с написанием автобиографии. В повести «Подвал» герой рассказывает хозяину лавки, г-ну Подлаху, об обстоятельствах своей жизни дома, искажая и замалчивая факты: «<...> я рисовал перед моими сослуживцами, и особенно перед господином Подлахой, вполне успокоительную картину жизни в моей семье, с моими родными. Себе в защиту я искажал до неузнаваемости описание своего дома и никогда ни одним намеком не выдавал, какой убогой и безнадежной была на самом деле наша жизнь. Умалчивать – вовсе не значит лгать, и я почти обо всем умалчивал» [Бернхард, с. 176]. Слова «искажать» (*verfälschen*), «намеки» (*Andeutung*), «ложь» (*Lüge*) напрямую отсылают к тексту метаповествования. Употребление слов данного семантического комплекса указывает одновременно на то, что и сама автобиография писателя – также, по сути, рассказ о домашних – является «искажением», связанным с умалчением фактов.

В повести «Холод» герой, лежа на больничной койке, пытается зафиксировать на карточках решающие моменты своего существования: по сути, начало писательства напрямую связано с написанием автобиографии, которая оказывается фрагментарным, разорванным повествованием.

В повести «Ребенок как ребенок» метакомментарии относительно лжи и правды в автобиографии полностью исчезают, а эпизод рефлексии над автобиографичностью повествования невероятно разрастается, занимая, по сути, треть всего текста. Речь идет об эпизоде с неудавшейся поездкой на велосипеде. Восемилетний ребенок, обдумывая то, как рассказать о неудаче родным, репетирует свой рассказ и в качестве пробы описывает свои приключения другу Шорши, создавая вербальную инсценировку своей поездки. Герой становится писателем задолго до того, как это происходит фактически: «Сидя на скамеечке под окном рядом с кроватью Шорши, я рассказал ему потрясающую, насыщенную драматическими событиями историю, причем был искренне убежден, что мне удалось создать настоящее литературное произведение, хотя в то же время не допускал ни тени сомнения, что речь в ней идет о подлинных

событиях и фактах <...> Двумя-тремя короткими фразами я постарался представить свой жалкий провал в самом конце как подлинный триумф. И это мне удалось: в то утро Шорши свято верил, что я настоящий герой» [Бернхард, с. 462 – 463].

М. Билленкамп обращает внимание на литературный источник этого эпизода. Возвращение ребенка домой и начало писательства в форме рассказывания, как утверждает исследователь, являются прямой реминисценцией из романа «Уход и возвращение домой Йодока Финка» (*Auszug und Heimkehr des Jodok Fink*, 1942) Иоганнеса Фроймбихлера, деда писателя: «И вот я в одиночку отправился назад. Дома немало удивились. Никто почти не верил, что домой я добрался самостоятельно. [...] Все в комнате слушали меня. И когда я окончил свой рассказ, тишина стояла как в церкви. А потом отец с глубоким изумлением произнес: „А рассказывать-то малец горазд!“ Это послужило первым толчком» (Цит. по: [Billenkamp, S. 301]). М. Билленкамп отмечает, что сцена с рассказом о приключении в повести Бернхарда гораздо более подробна и насыщена драматическими деталями, однако по сути и в романе Фроймбихлера, и в повести Бернхарда эти эпизоды служат одной цели: воссоздать в памяти ситуацию «побуждения» к рассказыванию, инсценировать приключение как исходный пункт для будущей творческой карьеры.

Однако можно предположить, что у этого эпизода есть и еще один источник, а именно – новелла А. Штифтера «Гранит» из сборника «Пестрые камешки» (1853). Интерес Бернхарда к творчеству Штифтера давно является предметом изучения литературоведов. По словам А. Доплера, «Штифтер был для Томаса Бернхарда фигурой, которая как ни одна другая побуждала его к полемике, она была для него одновременно образцом и контр-образцом...» [Doppler, S. 21]. Очевидное сходство обнаруживают сюжетные схемы двух рассказов. Как и рассказ Штифтера, повесть Бернхарда начинается с описания происшествия с ребенком, которое имеет в глазах матери характер преступления, на деле же является детской забавой. И в том, и в другом повествовании герой, боясь материнского гнева, ищет поддержки у деда, в конце дня он возвращается домой вместе с дедом, и к этому моменту досадное происшествие оказывается забыто, прощение матери получено. Схожа семейная ситуация, подразумевающая скорую на расправу мать, отсутствующего отца и понимающего, прощающего деда, который выполняет роль наставника, учителя. М. Миттермайер упоминает о том, что семейная ситуация, подразумевающая властную мать и отсутствующего отца, носит у Бернхарда характер «личного мифа», который воспроизводится во многих произведениях [Mittermayer, S. 8]. Ребенок при этом также выступает пассивным слушателем монологов деда, попадает в его мир, ценностно противоположный миру матери.

Таким образом, в начало последней повести автобиографического проекта помещается эпизод во многом вымышленный, обнаруживающий сразу несколько литературных источников. «Искусственность» данного эпизода позволяет М. Билленкампу сделать вывод о внутрен-

ней динамике внутри пяти повестей, о «нарастании» фикциональности, движении всего автобиографического повествования в целом в сторону вымысла. По мнению исследователя, Бернхард полагает, что изображение правды в самоописании невозможно, возможно лишь смещение акцентов, выдумывание и ложь [Billenkamp, S. 301 – 302].

Действительно, в ходе написания автобиографии проблема автобиографической правды словно бы «решается». Неопределенный артикль в названии последней повести, «литературность» эпизода с велосипедной поездкой, казалось бы, позволяют сделать вывод о том, что перед нами скорее фикциональное, чем автобиографическое повествование. Однако действительно ли все повествование движется в сторону вымысла? Решив проблему автобиографической правды, автор одновременно приходит к более «непосредственному» рассказу о себе и событиях собственного прошлого, и рассказ этот очевидным образом отличается от стилизованного повествования в первых четырех повестях.

Именно в пятой повести автор впервые называет свое имя (Томас) и фамилию (Бернхард), словно бы постфактум заключая с читателем автобиографический пакт, подразумевающий единство имени «я-повествователя», героя и имени на обложке книги: подобная идентичность имен, согласно точке зрения Ф. Лежена, является ключевым признаком автобиографии как жанра [Lejeune, S. 14]. Продуманная сюжетная схема, которая угадывается в первых четырех повестях, здесь отменяется. «Ребенок» представляет собой более свободное сцепление эпизодов из жизни ребенка.

Первые четыре повести больше похожи на фикциональные произведения Бернхарда, где герои монологизируют в закрытых пространствах. В. Шмидт-Денглер указывает в этой связи на то, что Бернхард словно бы препятствует проникновению действительности, реальности в пространства, которые создает в романах [Schmidt-Dengler, 2010, S. 31]. В «Ребенке» же происходит своего рода «разгерметизация». На страницы повести проникает реальный мир: открытые пространства (дорога в Зальцбург в начале повести, поместье Хиппинг), описания предметного мира и портретные характеристики (школьного друга, самого протагониста).

В первых четырех повестях чужое слово передается скупой, одним-двумя словами, попадая в ряд с другими выделенными курсивом вокабулами или фразами. На страницы же пятой повести проникает прямая речь: «я-повествователь» передает небольшие монологи деда и матери героя. При этом в повести нет чисто риторических пассажей, подобных цитированному выше из повести «Подвал».

Изменяется характер персонажей. В первых четырех повестях второстепенные персонажи, встречающиеся на жизненном пути протагониста, отчетливо стилизованы: это или «жертвы», двойники «я-повествователя» (мальчик-калека в «Причине», неудавшийся музыкант Подлаха из повести «Подвал» и др.), или «дельцы» (дядюшка Франц, Грюнкранц в повести «Причина», главный врач в повести «Хо-

лод»), или марионетки на сцене «мирового театра» – лишь функции, люди без имен в повестях «Дыхание» и «Холод» (генерал, спортсмен, фермер и проч.). Эти персонажи, несмотря на то, что большинство из них, вероятно, действительно встречались на жизненном пути автора, в повестях служат лишь иллюстрацией философских сентенций писателя. В «Ребенке» они также присутствуют: например, Квеенбергер, рахитичный ребенок, марающий простыни, который становится таким же изгоем в среде ровесников, как и герой повести. И все же рассказ о второстепенных персонажах нередко напоминает бытовые зарисовки, ведется более непосредственно: таковы, например, описания друзей героя, Шорши и Ханси, или, например, сцена с двумя парнями, которые отвозят ребенка домой. «Подъехав к дому, они ссадили меня на землю, тут же подошла их матушка, повела меня в комнаты, стащила с меня мокрую одежду и повесила сушиться возле недавно протопленной печи. Потом дала мне горячего молока с медом. Она хлопотала вокруг меня заботливо, как мать, но без всяких слов, одним своим молчанием дала мне понять, что решительно осуждает мое поведение – она сразу же поняла, без всяких объяснений с моей стороны. Ей ничего не стоило во всем разобраться» [Бернхард, с. 449].

Таким образом, автобиографическая пенталогия Т. Бернхарда не является единой в повествовательном отношении. «Снятие» проблемы автобиографической правды в последней повести оказывается связанным с изменением стиля: отказавшись от идеи правдоподобного жизнеописания, словно бы исчерпав мысль о «приближении» к правде и, казалось бы, сделав выбор в пользу вымысла, автор одновременно приходит к более непосредственному рассказу о событиях из собственного прошлого.

Литература

- Bernhard T.* Все во мне...: Автобиография. СПб., 2006.
- Bernhard Th.* Werke / Hrsg. von M. Huber, W. Schmidt-Dengler. Bd. 10: Die Autobiographie. Frankfurt am Main, 2004.
- Billenkamp M.* Thomas Bernhard. Narrativik und poetologische Praxis. Heidelberg, 2008.
- Doppler A.* Die unaufhebbare Lebensspannung. Themen und Tendenzen bei Adalbert Stifter und Thomas Bernhard // VASILO (Vierteljahresschrift des Adalbert-Stifter-Instituts des Landes Oberösterreich). 36 (1978), H. 3 – 4.
- Huntemann W.* «Treue zum Scheitern»: Bernhard, Beckett und die Postmoderne // Text + Kritik: Zeitschrift für Literatur. 43 (1991).
- Laemmle P.* Karriere eines Außenseiters. Vorläufige Anmerkungen zu Bernhards fünfteiliger Autobiographie // Text und Kritik: Zeitschrift für Literatur. 43 (1982).
- Lejeune Ph.* Der autobiographische Pakt. 4. Auflage. Frankfurt am Main, 1994. (Original Paris 1975)
- Marquardt E.* Gegenrichtung. Entwicklungstendenzen in der Erzählprosa Thomas Bernhards. Tübingen, 1990.
- Mittermayer M.* Thomas Bernhard. Stuttgart, Weimar, 1995.

Schmidt-Dengler W. «Auf dem Boden der Sicherheit und Gleichgültigkeit». Zu Thomas Bernhards Autobiographie «Der Keller» // Autobiographien in der österreichischen Literatur: von Franz Grillparzer bis Thomas Bernhard. Innsbruck, Wien, 1998.

Schmidt-Dengler W. Der Übertreibungskünstler. Studien zu Thomas Bernhard. 4, erweit. Auflage. Wien, 2010.

Sorg B. Thomas Bernhard. 2. bearb. u. erg. Auflage. München, 1992.

vom Hofe G. Ecce Lazarus. Autor-Existenz und «Privat»-Metaphysik in Thomas Bernhards autobiographischen Schriften. // Duitse Kroniek 32 (1981/82), H. 4.

References

Bernhard T. Vse vo mne...: Avtobiografiya. SPb., 2006. 573 s.

Bernhard Th. Werke. Hrsg. von M. Huber, W. Schmidt-Dengler. Bd. 10: Die Autobiographie. Frankfurt am Main, 2004. 582 S.

Billenkamp M. Thomas Bernhard. Narrativik und poetologische Praxis. Heidelberg, 2008. 419 S.

Doppler A. Die unaufhebbare Lebensspannung. Themen und Tendenzen bei Adalbert Stifter und Thomas Bernhard // VASILO (Vierteljahresschrift des Adalbert-Stifter-Instituts des Landes Oberösterreich). 36 (1978). H. 3 – 4, S. 19–29.

Huntemann W. «Treue zum Scheitern»: Bernhard, Beckett und die Postmoderne // Text + Kritik: Zeitschrift für Literatur. 43 (1991), S. 42-74.

Laemmle P. Karriere eines Außenseiters. Vorläufige Anmerkungen zu Bernhards fünfteiliger Autobiographie // Text und Kritik: Zeitschrift für Literatur. 43 (1982), S. 1-7.

Lejeune Ph. Der autobiographische Pakt. 4. Auflage. Frankfurt am Main, 1994. 432 S. (Original Paris 1975)

Marquardt E. Gegenrichtung. Entwicklungstendenzen in der Erzählprosa Thomas Bernhards. Tübingen, 1990. 198 S.

Mittermayer M. Thomas Bernhard. Stuttgart, Weimar, 1995. 229 S.

Schmidt-Dengler W. «Auf dem Boden der Sicherheit und Gleichgültigkeit». Zu Thomas Bernhards Autobiographie «Der Keller» // Autobiographien in der österreichischen Literatur: von Franz Grillparzer bis Thomas Bernhard. Innsbruck, Wien, 1998. S. 217–239. 272 S.

Schmidt-Dengler W. Der Übertreibungskünstler. Studien zu Thomas Bernhard. 4, erweit. Auflage. Wien, 2010. 260 S.

Sorg B. Thomas Bernhard. 2. bearb. u. erg. Auflage. München, 1992. 182 S.

vom Hofe G. Ecce Lazarus. Autor-Existenz und «Privat»-Metaphysik in Thomas Bernhards autobiographischen Schriften. // Duitse Kroniek 32 (1981/82), H. 4, S. 18–36.

Novikova S.Y. (Saint Petersburg, Russian Federation)

To the problem of narration integrity of autobiographical pentology of Thomas Bernhard (1975 – 1982)

The article considers the question of narrative unity of «canonical» classic autobiography of Austrian literature of the 20th century. T. Bernhard

presented tales «An Indication of the Cause» (Die Ursache: Eine Andeutung, 1975), «The Cellar» (Der Keller: Eine Entziehung, 1976), «The Breath» (Der Atem: Eine Entscheidung 1978), «The Cold» (Die Kälte: Eine Isolation, 1981) and «A Child» (Ein Kind, 1982). Fictional autobiography is nonuniqueness in narrative terms. The manner of narration in the novel «A Child», dedicated to early childhood of the writer, is significantly different from the manner of the narrative of the first four novels based on the events of his youth. The first four novels of the pentolog share a common plot scheme and the availability of copyright of meta comment where in rhetorical manner the author talks about the truth and falsehood in an autobiographical narrative. The fifth story does not fit the scheme of the plot of the first four, is devoid of metanarrative level. Reflection of the author of the autobiographical narrative moves to plot level (a fictional episode of the bike ride, for which can be traced several references), change the nature of the characters and the narrative style: the story of his own life events conducted in more direct manner, different from the stylized narrative of the first stories.

Key words: *autobiography, Austrian literature, Th. Bernhard, autofictional narration, self-reflection in autobiography.*

Novikova Svetlana Yurievna – lecturer of the German language. Saint Petersburg State University. Phone: +7911-722-95-45; e-mail: fotinya@gmail.com